

красно понимают, что есть экономическая политика, что есть бизнес, а есть то, что есть на самом деле. Это гамбургский счет. Ведь и это цирковой термин. Когда-то были турниры по французской борьбе, и, естественно, все результаты были заранее подтасованы. Но эти борцы, поскольку они сами по себе были борцы, раз в год собирались в Гамбурге, снимали один из портовых кабаков и устраивали там честный турнир, чтобы определиться в реалии, кто из них главный. И одним из условий было, что каждый должен платить за себя, чтобы даже не было и такого элемента подкупа, когда кто-то пива поставил или еще чего-то. Поэтому пошло такое выражение – гамбургский счет. По гамбургскому счету каждый сам за себя. Так что цирк даже здесь внес в историю свой такой элемент забавный. А возвращаясь к шапито – отец мечтал об этом в свое время. Это одна из трех его идей, которая, к сожалению, при жизни не получилась у него, и уже я ее осуществил. Не то чтобы я чувствовал в себе обязанность сделать то, чего хотел отец. Просто это здравая и очень разумная идея. И потом понимаете, даже если в городе есть стационарный цирк, то народ все равно пойдет в шапито, потому что в этом есть какая-то мистика. Люди утром проснулись, чтобы на работу идти, а тут за ночь возник город. Шатер, с огнями, с рекламой...

– Красивые у вас шапито?

– Маленькое шапито у нас старенькое, на тысячу мест. Я его вывез из Италии, это был первый опыт, когда мы только начинали. Но сейчас будем менять купола на следующий сезон. А второе шапито большое, на две тысячи мест, практически как зал в Москве, там рабочая высота 16 метров, то есть можно работать полноценный полет. И пластиковые сиденья, которые у нас здесь, в России, изготавливаются. Купол бело-желтый, полосатый. Вот видите, фотография замечательная? В Чебоксарах снимали с дирижабля. Красиво стоит. И все это создает такое соединение праздника с неожиданностью. А потом еще отец говорил, что эта идея со строительством стационарных цирков по всей стране была такой легкой отрыжкой гигантомании, свойственной эпохе культа личности, – строить цирки-дворцы. А есть города, где цирки просто не нужны, где они и в прошлые-то годы подгорали, а сейчас просто горят синем пламенем вообще. Например, в Твери, где отец начинал работать, где он работал на протяжении всей своей деятельности, где он заканчивал, последние спектакли отрабатывал, там совсем не нужен был стационарный цирк. Там прекрасно летом работало шапито три месяца, и для города этого было вполне достаточно. И как бы весь пассивный период люди ждали, что к ним приедет цирк. А стационарный, он же должен все время работать, чтобы окупаться. А

народ туда не очень ходит, потому что город не такой большой и не такой богатый, потому что до него ни из Питера, ни из Москвы ничего не доходило. Даже когда в Москве и Питере что-то было, там ничего не происходило. Поэтому сегодня все так туго работает. Но есть еще один нюанс. Я бы с удовольствием работал в стационарах. Меня просто туда не пускают.

– То есть это конкуренция с Росгосцирком?

– Это не конкуренция, а глупость, и непонятно, почему так. То есть понятно: бедный сосед и богатый сосед. А потом мы же частники, поэтому, и отношение такое. Никто не оценивает нашу деятельность – чем мы занимаемся, какие номера готовим, сколько денег в это

вкладываем, какую деятельность развиваем. А смотрят, на какой машине я езжу, где я отдыхаю, в какой квартире живу. Ну это нормальная психология наших советских взаимоотношений. Просто время меняется, а люди этого не понимают и живут по инерции этих взаимоотношений. А уже все другое.

– Шапито – одна из трех идей Юрия Владимировича. А еще две?

– Еще одна – вот этот кабинет. Поэтому что раньше дирекция цирка была на Страстном бульваре. И отец говорил: «Построим цирк, я соберу мебель старую со склада и сделаю себе кабинет». Но финны сдали ему кабинет уже с мебелью. Ну, во-первых, не ломать же это на самом деле. А во-вторых, там другая стилистика совсем. И только после смерти отца я все это сделал. Вот это стол Саламонского.

– Правда?

– Да. Это кресло Саламонского. Их было два. Одно он подарил Чиниземли, оно сейчас в Питере в музее стоит. Диван стоял у Марка Соломоновича Местечкина, а шкаф у директора Асанова. Картины... Три картины – это подлинный Фонвизин. Он завещал после его смерти подарить их цирку, и жена его мне вручила. А третья идея отца – это программа о цирке телевизионная. Я ее тоже сделал, к сожалению, уже после того, как отца не стало.

– А были ситуации, когда, работая вместе с отцом, вы поступали ему наперекор или противоречили ему? Или этого не было никогда?

– Нет, поступать не поступал. Во-первых, субординация: он генеральный директор, а я директор-распорядитель. Но разногласия и разночтения были. Я другой. У меня ментальность другая, я моложе. У отца была черта, которая меня, например, раздражала. Если человек ему не нравился, он с ним отказывался работать вообще. Причем там могли быть причины, а могло и не быть – ну не понравился ему человек и все. А были интересные проекты, с моей точки зрения, с точки зрения бизнеса. А он говорил: «Я с ним работать не буду». Я говорил: «Тебе даже видеть его не надо». – «Нет», – и все. Я глотку рвал: «Ты пойми, это выгодная вещь!» – «Нет, деньги не все решают».

– Вы до сих пор считаете, что он был не прав?

– В какой-то степени, да. Потому что приходится работать с разными людьми. Не работать здесь, в цирке, – я имею в виду контакты, связи. Есть люди, есть партнеры на Западе, которые мне не очень нравятся по-человечески. Но это бизнес, я вынужден с ними работать. Это не значит, что я должен с ними водку пить и обниматься, но... Есть агенты, про которых я знаю, что они жулики. Главное – поставить такие условия, когда он свою жуликоватость никак не сможет проявить. Хотел бы кинуть, но не получается, потому что по-